Волшебная книга судьбы

Автор:
Валери Куонг

Волшебная книга судьбы

Валери Тонг Куонг

Две девушки стоят на мосту в ожидании поезда. Вот он приближается, еще, еще… Пора! Алиса прыгает – туда, в бездну. А Мина… Мина не смогла совершить этот страшный прыжок. Потому что решила жить.

Эта книга о том, как важно, оказавшись на дне пропасти, не остаться там, а вытолкнуть себя наверх. И еще о том, что, когда появляется человек, который тебя понимает, отчаяние можно стереть, словно ненужные буквы, написанные мелом на доске.

Валери Тонг Куонг

Волшебная книга судьбы

Эрику

Жизнь нельзя полюбить, Не отчаявшись жить.

Альбер Камю. «Изнанка и лицо»

Valerie Tong Cuong

L’ARDOISE MAGIQUE

© Editions Stock, 2010

© Хотинская Нина, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Волшебная книга судьбы

День, когда я решила жить, был и днем, когда я официально утратила всякий смысл жизни.

Все это произошло в среду утром, с интервалом в сотую долю секунды, как гигантская пощечина судьбы.

За миг до этого я повернулась к Алисе. Она стояла совершенно неподвижно, вцепившись обеими руками в металлические перила. Ее темные волосы лежали конским хвостиком на светлом затылке – такой затылок я всегда мечтала иметь, четко прорисованный, изящный.

Небо было серое, гладкое, ни ветерка. Дорога пуста, лес безмолвен. Молчали и рельсы, тянущиеся к изгибу горизонта; весь мир, казалось, застыл в ожидании.

Я часто спрашивала себя, посмотрим ли мы перед этим друг на друга. Обменяемся ли последним словом, последним жестом.

Но Алиса неотрывно смотрела в невидимую точку прямо перед собой.

И молчала.

Раздался гул, глухой, урчащий, предвещая неотвратимый хаос.

Гул нарастал, стал осязаемым, и темная ревущая громада поезда появилась точно в час, который мы заранее высчитали как освобождение.

Все мои мускулы напряглись так, что казалось, вот-вот лопнут.

Сколько нужно времени, чтобы покрыть пятьсот метров, отделявшие поезд от моста?

Мне хватило, чтобы вдруг подумать, что, в сущности, и у меня могло быть будущее.

И Алиса прыгнула.

* * *

Я бежала изо всех сил, убегая от какофонии, заполонившей все вокруг. Свист, шипение, визг тормозов на металлических рельсах. Бежать, бежать, скрыться, спрятаться, чтобы никто не настиг. Мой оцепеневший мозг отказывался мыслить логически. Обрывки слов, смутные ощущения метались в беспорядке. Алисы больше не было, кожа пошла мурашками, в животе крутило и жгло, в горле пересохло.

Смерть гналась за мной по пятам, но я бежала быстрее.

Я влетела в лесок, понеслась по прогалинам, все же царапаясь о ветки, стирая следы туфель на темной земле, в зарослях мха и сорной травы.

В это время года охотники оставляли лес зверью. Тропинки зарастали, ширилась мелкая поросль.

Что же, и я стала зверем?

Я замедлила бег много позже, когда ногу пронзила невыносимая судорога. Я обессиленно прислонилась к дереву, потом легла на землю, силясь унять

колотившееся сердце.

Еще долго мой рассудок отказывался от малейшего усилия. Между тем я знала, что меня ждут вопросы. Что придется проанализировать ситуацию. Понять, что заставило меня вот так бежать.

Но прежде всего успокоиться.

Дыши, Мина, дыши. Тебе страшно, вот и все. Страшно, что тебя осудят, будут показывать пальцами. Страшно, что сочтут трусихой и преступницей. Той, что не прыгнула. Той, что нарушила уговор, – и, что всего хуже, обратного хода нет. Это вопрос чистой логики.

Они все это скажут. Естественно: они понятия не имеют, что было на самом деле. Они скажут, что я убила Алису, потому что я жива. Обвинят меня в том, что это я ее уговорила, увлекла, убедила. Она была так совершенна. У нее было все. Красота, изыск, ум. Деньги. Ее комната с английскими обоями, ее розовый велосипед с плетеной корзиной на руле. С какой стати она положила бы конец столь завидному существованию?

Тогда как у меня были на это все причины. Никто не согласился бы поменяться со мной жизнью. Во всяком случае, на первый взгляд: потому что если бы я могла рассказать, что происходит у меня внутри, в складках моего мозга, в желудочках моего сердца, то, может быть, и нашла бы несколько кандидатов – во мне все кипело, бурлило, неслось вскачь, рвалось наружу, – но в конечном счете слова всегда застревали где-то на уровне гортани, и для всех я была лишь наружностью, малоинтересной девушкой, середнячком во всем, не говоря уже о семье, входившей в число недостатков.

Когда я заговаривала об этом с Алисой, та протестовала, уверяла, что я человек сто?ящий, редкостный, и рано или поздно это проявится, но Алиса обладала всеми мыслимыми достоинствами и по доброте своей часто несла вздор.

Перед такой добротой мне не хватало духу спорить, и я молчала, слушая ее вполуха.

Но теперь Алиса стала лишь облачком рассеянных частиц и алых брызг на траве и на стальном корпусе поезда. Больше она ничего мне не посоветует и не подскажет. Больше она не будет освещать мои дни своим слепящим присутствием.

Теперь мне предстояло обходиться без нее, а ей – без меня, где бы она ни была и куда бы я ни пошла.

* * *

Она появилась, когда мне было шестнадцать. В нашем лицее, где все знали друг друга с детства, кто-то иной раз уходил, но новенькие не приходили никогда: это было событие.

Она вошла в класс в сопровождении директора, и все ученики тотчас смолкли и уставились на нее. Такой красивой девочки не видели в наших местах добрых пятнадцать лет. На ней было зеленое, под цвет глаз, пальто, к животу она прижимала расшитую блестками сумочку, веки были опущены.

Директор легонько подтолкнул ее в спину, и она шагнула вперед.

– Знакомьтесь, это Алиса, ваша новая подруга. Учебный год начался уже довольно давно, и я прошу вас всех помочь ей освоиться.

Пустая формальность, разумеется. Фраза из учебника, призванная успокоить новенькую. Директор достаточно давно руководил лицеем, чтобы знать, что никто не станет ни в чем помогать чужачке, тем более девочке, чьи красота и горделивая осанка оказались прямым оскорблением остальным, еще прежде чем она открыла рот.

Учитель знаком велел ей сесть. Свободных мест было два – одно впереди, у окна, другое в среднем ряду, рядом со мной. Секунду поколебавшись, она пересекла класс и села ко мне под громкий шепоток последних рядов.

Она достала свои вещи, красивый пенал, настоящую перьевую ручку, блокнотик в кожаном переплете – я видела такие в витринах. Обронила одно-единственное слово:

– Привет.

Я не ответила. Она не настаивала, и до конца дня мы не сказали друг другу ни слова. Когда уроки кончились, она ушла очень быстро: я видела, как она садилась в большую машину с тонированными стеклами.

Позже, в автобусе, который вез меня домой, я узнала, уж не помню как, что она – дочь нового директора банка. Этим объяснялись и ее фирменная одежда, и надменный вид; в каком-то смысле мне стало легче. Это была своего рода гарантия, что она не станет искать со мной дружбы.

В тот вечер я долго не могла уснуть. Что-то не давало мне покоя, и я не могла понять что. Смутное чувство, колотье в сердце, что-то между гневом и горем. Мне виделись волосы Алисы, касающиеся ее шеи. Я встала и сорвала со стен все старые постеры, повешенные еще моей кузиной, когда она жила в комнате. Афиши концертов, на которых ни она, ни я не были, закат солнца с надписью большими буквами: «Espa?a».

Я оставила фотографию лошадей в галопе, висевшую на двери: наверно, мне смутно помнилось, что это были мои любимые животные, когда я была еще совсем маленькой девочкой, счастливой и беззаботной.

Потом, с пустой головой, я снова легла.

* * *

Сырость пришла внезапно, и вместе с ней – холод. Я смотрела на окружающую растительность, не различая ни малейших ориентиров. Я утратила всякое представление о времени и пространстве. Может быть, я заблужусь, так и буду плутать среди кустов и умру от голода и жажды, как в сказке с плохим концом, исполнив, в конечном счете, свою часть уговора?

В этом были свои преимущества: не задаваться больше вопросами, не ломать голову, и никакой тебе ответственности.

Но все было не так: неужели я отступила перед поездом (сулившим практически мгновенную гибель), чтобы умереть медленной смертью и стать пищей гусеницам и жукам? Было во мне это желание, чувство надежды, этот голод внутри. Словно клещи.

Мне надо было подумать, унять колотящееся сердце.

Я решила сесть и послушать тишину. Вслушивалась, не залает ли где собака, не рявкнет ли мегафон, не взвоет ли полицейская сирена, но лес безмолвствовал, слышались лишь крики птиц. Может быть, меня и не искали. Или никто еще не обнаружил нашего ухода – думали, что я дома, спокойно сижу за тарелкой супа. Или, хуже того, решили, что я тоже погибла, раздавлена на рельсах.

Я встала и принялась лихорадочно обрывать листья, устилая ими землю, пока не получился плотный матрас. Потом я переплела ветви над собой и сделала крышу.

Шалаши мне всегда удавались. С моего приезда сюда я построила их десятки – было где укрываться, когда атмосфера в доме становилась слишком тягостной. Строила я разные убежища для каждого времени года, в зависимости от погоды и доступной растительности. Иногда я даже спала в них, к удовольствию тетки, наверняка втайне надеявшейся, что это кончится пневмонией. Дядя же вовсе не замечал моих исчезновений.

А между тем это он настоял на том, чтобы взять меня в семью, семь лет назад, когда мою мать поместили в больницу. До этого мы виделись раз в год, пятнадцатого августа, на дне рождения бабушки. Мы с матерью приезжали поездом, а он встречал нас на вокзале. Каждый год, следуя незыблемому ритуалу, он останавливался по пути у магазина одежды, с хозяйкой которого был знаком, и покупал мне платье или блузку, в которые я поспешно переодевалась в машине.

– По крайней мере, будешь прилично выглядеть!

Моя мать стискивала зубы, но терпела унижение. Дядя не держал зла: он лишь упреждал колкости своей жены.

Сколько я помню, отношения между ними троими всегда были напряженными, хоть я и не знала, в чем корень ссоры, да и была ли, собственно, ссора. Положение моей матери – незамужняя, пьющая и безработная – оказывалось достаточным поводом для презрения в глазах тетки, больше всего боявшейся за собственную репутацию. Надо сказать, что о себе тетка была очень высокого мнения. Работа секретарши в мэрии на полставки снискала ей восхищение подруг, которые почти все трудились на ближайшей текстильной фабрике. Замуж она вышла за бухгалтера, а ее дочь окончила училище архитектуры интерьера: по общему мнению, она преуспела.

На самом деле тетка была полна разочарований и горечи. Не могла простить моей матери, что та была красивее ее. Не могла простить дяде, что он не поднялся выше по карьерной лестнице. Она не давала ему покоя, требуя, чтобы он просил прибавки к жалованью. Была одержима идеей переезда в зажиточный квартал Мулен, где жили сливки местного общества в роскошных виллах с дивными садами – где жила Алиса. Она часами читала объявления о продаже недвижимости, вырезанные из местной газеты, и пыталась взять ипотечный кредит, которого всегда оказывалось недостаточно.

Мать сама объявила мне, что я буду жить у них. Все пошло очень быстро; в тот день, вернувшись из школы, я нашла ее на полу в кухне: алкогольная кома. Когда мать увезли на «Скорой помощи», в поисках ее страховой карточки я обнаружила письма из банка, неоднократные напоминания о непогашенных задолженностях. Все было сложено в аккуратную стопку и перетянуто бежевой резинкой. Большинство конвертов даже не было вскрыто. Мне больно было видеть эту кипу неприятностей, готовую взорваться, и все потому, что моя мать была одновременно самой наивной и самой непрактичной из женщин, но менять что-либо было поздно.

Обследования выявили запущенный цирроз. Врачи сообщили бабушке, что мать останется в больнице и придется куда-то пристроить меня.

Мать, казалось, смирилась.

– Тебе будет хорошо, Мина. Твой дядя обещал, что у тебя будет своя комната.

– Но Та! Она меня ненавидит, ты же знаешь!

– Она привыкнет, и ты тоже.

– Мама!

Она отвернулась к стене, до сих пор не знаю, из упрямства или от горя, чтобы скрыть слезы. Я крикнула что было сил: «Не хочу туда, хочу остаться с тобой!» – так что сестры всем скопом ринулись в палату, но мать сухо оборвала меня каким-то чужим голосом, металлическим, холодным, злым:

– Не капризничай, Мина.

Тут я поняла, что все кончено, – хоть она и пыталась скрыть это от меня до последнего. Я-то предпочла бы знать, чего мне ожидать, но моя мать в очередной раз сделала все наоборот. Она отсылала меня на враждебную территорию, ловчила, чтобы не пришлось со мной объясняться. В сущности, она была девчонкой, эгоистичной и растерянной, способной мыслить лишь настоящей минутой, расточая оставшееся у нас время, как когда-то социальную помощь – на кино и попкорн. Я ненавидела ее так же сильно, как обожала.

Дядя позвал меня несколько месяцев спустя, однажды вечером, когда я читала у себя в комнате. Он сидел на диване, прямой, как кол, рядом с теткой, вцепившись рукой в подлокотник.

– Мина, у меня плохая новость.

Вот как он преподнес кончину сестры. Он искал слова, но тетка перебила его, чтобы уточнить почти ликующим тоном причину ее смерти. После чего она же перечислила проблемы, которые оставила после себя моя мать.

Мне еще не было четырнадцати. Надо мной вдруг осело небо. Я посмотрела на тетку, затянутую туже некуда в тесный белый жакетик, сколотый на груди кошмарной брошью из розовых стразов. Гостиная с диваном в цветочек. Коллекция безделушек на буфете.

Дядя сидел, уже погрузившись в другие мысли, с успокоенным лицом бухгалтера, успешно закрывшего досье.

* * *

Алиса быстро стала первой ученицей в классе и любимицей учителей. Некоторые завистники, наверное, считали, что все дело в ее влиятельном отце или в том, что она красива. Но она и в самом деле была старательнее, образованнее, аккуратнее, чем мы все, вместе взятые. Ей не требовалось никаких уловок, чтобы покорить преподавательский состав, достаточно было быть собой. Она даже не поднимала руку, отвечала, только когда ее спрашивали, – обычно блестяще, после того, как остальному классу вопрос оказывался не по зубам.

Объективно Алису не в чем было упрекнуть, но мы редко бываем объективны в шестнадцать лет, тем более перед такой степенью совершенства. Не прошло и трех недель, как ей объявили бойкот.

Много позже, когда мы начали общаться, я поняла, что эта изоляция и скрепила нашу дружбу. Ей завидовали, а меня не замечали, она была неограненным алмазом, я – ничтожно малой величиной, в конечном счете нас обеих не хотели и отторгали.

Вот почему в первый день она сразу же направилась ко мне, выбрав место, до тех пор пустовавшее. Вот почему я приняла ее с такой легкостью. Ей незачем было опасаться меня, мне незачем было опасаться ее. Не было ни зависти, ни агрессии, ни соперничества, напротив, совпадение интересов. Мы могли сосуществовать, не заморачиваясь друг другом, лишь только вместе противостоять враждебно настроенному окружению.

Два месяца мы с ней не разговаривали. В нашем молчании не было враждебности: мы просто не нуждались в общении. Из случайно услышанных разговоров я почерпнула об Алисе новую информацию. Теперь я знала, что она живет в большом доме в богатом квартале Мулен рядом с префектурой, играет на пианино, ездит верхом. Ее жизнь была полной противоположностью моей, как будто чья-то ловкая рука, раскинув карты, сдала ей все козыри.

Возвращаясь домой – вернее, туда, где я жила, – я часто мельком думала о ней со странным чувством: вот она вытирает ноги о половик, толкает входную дверь, снимает пальто, кладет портфель – все то же самое и совершенно синхронно с

ней проделывала я.

Только до этих пор, разумеется. Потом она найдет приготовленный для нее полдник на столе в оборудованной по последнему слову кухне, ее собака прибежит и будет с визгом тереться о ее ноги, она достанет тетради и примется за уроки, попивая свежевыжатый фруктовый сок, когда стенные часы отобьют пять или шесть часов, смотря в какой день, мелодичным звоном.

Меня же встретит тетка раздраженными жалобами и упреками: я-де сутулюсь, волосы пахнут табачным дымом, посуда плохо помыта и прочее, и прочее – она всегда находила тысячи придирок. Я ничего не отвечу, буду долго мыть руки, а потом поднимусь наверх и затворюсь в своей комнате наедине со своими мыслями.

Алиса нарушила молчание первой однажды вечером, когда мы выходили из лицея. Я ждала автобуса, прислонившись к ограде, чуть поодаль. Народу было много: в тот день уроки во всех классах кончались одновременно. Автобус, обслуживавший несколько школ, пришел уже почти полным. Ученики шумной гурьбой устремились к дверям. Я уже стояла на подножке, и тут какой-то парень толкнул меня, помогая другому забраться. Я не удержалась и упала навзничь. Двери закрылись, автобус укатил. Я села и стала собирать рассыпавшиеся вещи.

Вот тут-то Алиса и заговорила. Она сидела на заднем сиденье машины.

– Садись, – предложила она. – Мы тебя подвезем.

Я посмотрела на нее недоверчиво, но она едва заметно улыбнулась мне, и я подумала: почему бы нет? Все лучше, чем тащиться домой пешком.

На водителе, широкоплечем, надежном, был костюм дороже любого из костюмов моего дяди. Сиденья машины, обитые великолепной бежевой кожей, оказались девственно-чисты. Я так боялась их запачкать, что всю дорогу сидела на краешке, сжав ягодицы, чтобы не соскользнуть.

– Так где ты живешь? – осведомилась Алиса.

– В «Гвоздиках».

– Где-где?

Это был гигантский жилой комплекс за чертой города, между лесом, полями и новой промышленной зоной. Двести пятьдесят домов, похожих как две капли воды, с тесным гаражом и микроскопическим садиком, отделка, некогда с претензией, но со временем обветшавшая, фонтанчики с ангелочками на перекрестках, клумбы гераней (гвоздики просуществовали всего один сезон) и толпа жителей, чьим основным времяпрепровождением было обсуждать дела и поведение соседей.

Из «Гвоздик» можно было выбраться, только имея машину или хотя бы велосипед (и сильные ноги, потому что по дороге в город был подъем, который отпугнул бы и самых мужественных).

– Это большой крюк, – отважилась я.

– Вот и хорошо, – загадочно ответила Алиса.

Весь остаток пути она молчала. У въезда в жилой комплекс, увенчанного огромным щитом с надписью, я попросила остановить машину.

– Я дойду пешком.

Я не хотела, чтобы меня видели с Алисой в этой роскошной машине с шофером, сошедшим прямиком с киноэкрана, из голливудского фильма. Если это дойдет до ушей моей тетки, она вцепится в меня мертвой хваткой.

– Как хочешь, – покладисто согласилась Алиса.

Я думала, что этим все и кончится. Но на следующий день, когда я вышла из ворот лицея, машина стояла на прежнем месте с выключенным мотором. Алиса сидела сзади, стекло было опущено. Она махала мне рукой:

– Мина!

Подходил автобус.

– Мина!

Подбородком она указывала на место рядом с собой. Это было уже неудобно, с какой стати она опять предлагает меня подвезти? Ей больше делать нечего, как терять время на крюки?

Двери автобуса уже открывались. Я поспешила забраться внутрь вместе со всеми и села в конце у окна.

Наклонилась, чтобы разглядеть ее, но машина исчезла.

– Живей, – надсаживался водитель, – пошевеливайтесь, сопляки!

Мальчики перешучивались, обсуждали чемпионат по футболу, девочки, разбившись по парам, тайком показывали друг другу какие-то загадочные вещи. Мне вдруг стало жаль, захотелось выйти, побежать, пересечь пустырь за лицеем и срезать путь, чтобы встретить Алисину машину, остановить ее, забраться, сесть опять на краешек сиденья, вдохнуть запах Алисы, прижаться к ней и, слушая урчание мотора, уснуть, умереть.

– Не грусти, – шепнула Алиса. – Нет повода.

Я вздрогнула. Она была здесь, сидела рядом со мной с сумкой на коленях, держась тонкими руками за спинку переднего сиденья, и спокойно улыбалась.

– Как ты села в автобус? А машина?

– Надоела мне эта тачка.

Я никогда не встречала так называемых баловней, но предположила, что это она и есть: раскрасавица, набитая деньгами под завязку, которая скучает в машине и жалуется на кондиционер (того гляди подхватишь насморк) и тонированные стекла, застящие вид.

Теоретически я должна была ее возненавидеть, но сколько ни пережевывала эти глупые замечания, с каждым днем любила ее все сильнее и сильнее.

С того дня машина больше не появлялась. Алиса возвращалась домой вместе со мной. Автобус объезжал жилой массив и заканчивал свой маршрут в Мулене, ее квартале. Когда я выходила, она прощалась со мной всегда одним и тем же жестом, сжав ладони, что можно было истолковать и как знак ободрения, и как демонстрацию дружбы. Я смотрела ей вслед, пока ее лицо, прильнувшее к стеклу, не превращалось в тень. Потом, когда уже совсем ничего не видела и не слышала, присаживалась на минутку на беленый парапет у дороги, готовясь вернуться в свое одиночество.

Наша дружба крепла месяц за месяцем. Теперь мы встречались в глубине школьного двора на каждой перемене. Она больше не была молчалива, наоборот. Философствовала, наблюдала, комментировала. Рассуждала о смысле жизни, необходимости любви и прочих ученых вопросах. Не язык, а помело. Иногда я ее слушала, но чаще дремала наяву под звук ее голоса, просто наслаждаясь ее присутствием, – ее это раздражало.

Однажды зимним днем она вдруг повернулась ко мне, словно осененная гениальной идеей:

– Можно я зайду к тебе после уроков?

Это было так нелепо, что я не нашлась что ответить.

– Ну что, согласна?

Она смотрела на меня широко раскрытыми светлыми глазами.

– Скажи «да»! Ну же!

Я искала отговорки, пыталась сказать, что это невозможно, немыслимо: она у меня? Грация, совершенство и красота в самом невзрачном, самом вульгарном, самом безобразном месте, которое я когда-либо знала! Но это был напрасный

труд. Она приняла решение и знала, как добиться своего.

Когда автобус остановился у «Гвоздик», она, просияв, – само воплощение счастья – поднялась и вышла своей походкой принцессы, ни разу не оглянувшись.

Я сказала:

– Ладно, Алиса, раз уж ты так хочешь, пошли (а мы уже шли). Но обещай мне одну вещь: я не хочу, чтобы ты говорила с моими дядей и тетей, не хочу, чтобы ты даже встретилась с ними, чтобы они смотрели на тебя, трогали, обнимали.

– Какая ты непростая, Мина.

До дома я шла как можно быстрее, чтобы избежать встреч с местными кумушками. Алисе приходилось временами за мной бежать – ноги у нее были подлиннее моих, зато туфли куда менее удобные.

Я и сегодня толком не знаю, почему так хотела ее спрятать, как будто она была чем-то сокровенным, абсолютной тайной, – ведь очевидно, что, представив ее моему окружению, я снискала бы уважение или, по крайней мере, покой.

Алиса прошла за мной в мою комнату. Я ловила ее взгляд, ждала замечаний, удивления, но она ни словом не обмолвилась о доме. Мы сели рядышком на кровать.

– Вот, ты все видела, – бросила я.

Она смотрела в окно.

– Тебе везет, – отозвалась она очень серьезно. – У тебя прямой вид на солнце.

Я жила в самой маленькой комнатушке, в конце коридора, далеко от всех, с окном, выходившим на соседние склады, за которыми начинался лес. Дядя с тетей ухитрились сделать меня изгнанницей прямо в доме: о везении, на мой взгляд, говорить не приходилось. Но Алисе все виделось с точностью до

наоборот. Чудесная ориентация, вид на горизонт, гарантированный покой, полная свобода – идеал.

– В моей комнате, – добавила она, – стены оклеены такими дорогими обоями, что мне не разрешают на них ничего вешать. Она прямо над комнатой моих родителей, и музыку мне приходится слушать в наушниках, чтобы им не мешать. Мои вещи такие дорогие, что я должна постоянно проверять, не потерялось ли что, да и мама приходит с инспекцией каждый вечер. А когда я открываю окно, то вижу только состязание роскошных машин на аллеях, обсаженных одними и теми же розовыми кустами: в точности как в американском сериале.

Я смотрела на нее, качая головой.

– Алиса, ты смеешься надо мной или правда пытаешься мне доказать, что я в завидном положении?

Она не успела ответить: в дверь постучали. Нервный стук, характерный звук длинного загнутого ногтя, затвердевшего от многочисленных слоев лака.

– С кем ты разговариваешь, Мина? – спросила тетка своим пронзительным голосом.

Я прижала палец к губам и бросила на Алису умоляющий взгляд.

– Ни с кем. Я репетирую пьесу.

Тетка ушла, пробурчав что-то невнятное; я встала и прильнула ухом к двери. Ее каблуки простучали по ступенькам лестницы. Я повернулась к Алисе, нахмурившись: что за вздорная, в самом деле, была мысль прийти сюда. Что мы теперь будем делать?

Но Алисы в комнате уже не было. Окно было открыто, створка тихонько покачивалась на сквозняке. Я только успела заметить, как колыхнулась туевая изгородь, за которой кончался сад.

* * *

– Мадемуазель?

Чья-то рука похлопала меня по макушке. Усатый малый в резиновых сапогах, куртке цвета хаки, низко надвинутой кепке и с рюкзаком на плече смотрел на меня с подозрением, словно боялся, что я его укушу. Знал ли он про меня, про нас?

– Мадемуазель? С вами все в порядке?

– Все хорошо, спасибо.

Он нахмурился с видом всего лишь раздосадованным: значит, не знал.

– Извините, что спрашиваю, мадемуазель, но сколько вам лет?

– Восемнадцать.

Со вчерашнего дня, но это ни к чему было уточнять.

– Здесь нельзя спать, вы простудитесь насмерть.

Я не удержалась от улыбки: насмерть, как же.

– Я гуляла и заблудилась.

– Я провожу вас, – предложил он. – Вы откуда? Из Сент-Андре? Из Вермилона?

Не знаю, почему это пришло мне в голову, но я ответила: «Из Сент-Андре, квартал Мулен». Он набросил свою куртку мне на плечи, достал большой синий в клеточку носовой платок и вытер мне щеки, заправив волосы за уши. Потом вынул из рюкзака пакетик печенья и угостил меня.

Давно никто не был ко мне так добр. Я поблагодарила. Ни на миг я не испугалась, что он причинит мне зло, что у него худое на уме. Я знала, чувствовала нутром: это славный малый. Очень бережно он помог мне подняться. У меня все болело, ноги затекли, спину ломило. Я совсем обессилела.

Он обнял меня за плечи и поддерживал, пока мы выбирались из густого кустарника.

– Знаете, – обронил он меж двух усилий, – повезло вам, что я проходил тут. Надо же, вздумали гулять, так легко одевшись. Утренняя роса, может, и красива, но это убийца.

– Утренняя?

Слабый свет озарял верхушки деревьев. Он протянул мне руку: часы на его запястье показывали шесть.

– Здесь нет сети. Но как только выйдем на опушку, вы сможете позвонить. О вас, наверно, беспокоятся.

– Наверняка, – опять солгала я. – Спасибо вам большое.

Мы шли минут двадцать под заливистые трели птиц.

Чаща вдруг расступилась: мы вышли из леса. Черный пикап, старенький и помятый, стоял на обочине дороги. Малый бросил свой рюкзак на заднее сиденье и распахнул передо мной дверцу: в путь, девушка!

Когда мы подъехали к кварталу, я попросила его остановиться у булочной, сказав, что голодна. Он пожал мне руку и еще раз предупредил:

– В следующий раз будьте осторожнее, ладно?

И уехал.

Рядом, в кафе, откуда исходили бодрящие запахи, продавали сегодняшние газеты. Я пробежала глазами первые полосы в поисках крупного заголовка, но сообщалось только о похищении маленькой англичанки из детского сада и о повышении тарифов на электричество. Сначала меня неприятно кольнуло, что самоубийство девушки (или двух) семнадцати-восемнадцати лет – недостаточное событие для первой полосы местной газеты. Но потом я вспомнила, что однажды сказала мне Алиса, когда я жаловалась на свои

невзгоды.

– Что ты себе думаешь, Мина? Ты вправду считаешь, что удары судьбы не касаются буржуа? У нас молчат, вот и все. Обманывают, ловчат, воруют, страдают и умирают, но все молча и с улыбкой. Never complain, never explain[1 - Никогда не жалуйся, никогда не объясняй (англ.).].

Я еще сомневалась, и она предложила мне странную игру: мы составили список всех трагедий, происходивших в жилом комплексе «Гвоздики». Для начала мой случай (неизвестный отец и мать-алкоголичка, скончавшаяся в тридцать три года), затем мой сосед, садовник, чья жена умерла в родах, и женщина, которая думала, что выиграла в лотерею, но обнаружила, что ее сын купил конфет вместо билета, – после этого она ни с кем не разговаривала и лихорадочно заполняла клеточки, но больше не играла. С тех пор, как закрылся сталелитейный завод, каждый третий житель был безработным. Судебные исполнители приходили регулярно, а заболевших от асбеста уже не считали. Наконец, комплекс построили на месте старого карьера. Тогдашний мэр, подписавший разрешение на строительство в обмен на солидный куш, сидел за решеткой; но что с того, если дома трескались один за другим и ничего нельзя было с этим поделать?

– Все? Теперь моя очередь, – сказала Алиса. – В Мулене красота, тишь и гладь только с виду. Но я знаю семью, в которой мать ушла и не вернулась, узнав в сорок лет, что она приемыш. Есть нотариус, женатый на своей кузине, из-за кровного родства у них родились двое проблемных детей, их крики слышны порой на весь квартал. Директриса больницы сидит на лекарствах, а сын инженера потерял восьмилетнего ребенка – тот утонул в собственном бассейне. Об изменах ходит столько слухов, что мне ночи не хватит пересказать их все. Половина жителей сидят на антидепрессантах, и большинство тратит на психоаналитиков больше, чем на отпуска, от которых они не получают удовольствия, потому что всегда мечтают о том, чего не могут себе позволить. Десяток домов выставлены на продажу после краха на бирже – но не продаются, хотя и потеряли половину цены: кто захочет вкладываться в район, где все прогнило и не утешает даже климат? Продолжать?

На бумаге выходило поровну, я была вынуждена это признать. Но если уж быть несчастным, то лучше все же богатым, чем бедным, разве нет?

– Гм, не скажи, – возразила Алиса. – Главный критерий, тот, что все меняет, – другой. Сравнение ничего не даст.

– Ладно, хорошо, тогда что это за пресловутый критерий?

Но на этот вопрос (а я задавала его ей регулярно) Алиса так и не ответила. Она молчала, а поскольку властной была даже в молчании, мне оставалось лишь смириться.

Теперь, стоя перед кафе, я говорила себе, что надо было настаивать, что слишком много фраз Алиса так и не закончила, слишком много осталось пробелов, а вот теперь все пропало, тайна погибла под колесами локомотива скоростного поезда.

Праздный бармен наблюдал за мной сквозь стекло, вытирая чашки. Худой парень лет двадцати с тонкими усиками, в белой тенниске и огромном синем переднике, на лице написано: «Обслуга». По его взгляду, ощупывавшему меня с головы до ног, я догадывалась, что он думает: нездешняя, залетная пташка. Слишком плохо одета. Что она здесь делает в такой час? Может, пришла искать работу или ждет кого-нибудь, кто прокатил бы ее на машине. А курточка-то грязная, травинки пристали, спала, что ли, на улице? Не дай бог бродяжка, вся клиентура разбежится. Но уж больно молоденькая, и при себе ничего нет. Нужен хотя бы мешок, чтобы бродяжничать. Нет, это не бродяжка, но в кармане у нее ни гроша, точно, читает издали газеты и даже кофе не возьмет, а ведь еле жива, это видно, под глазами круги и ноги подкашиваются.

Инстинктивно я пошарила в кармане. Он был пуст – только удостоверение личности, с которым я никогда не расставалась. Я ушла, не взяв с собой сбережений, которые хранила в коробочке под кроватью. Само собой, такого я не ожидала: оказаться здесь в это утро живехонькой – но без малейшего понятия, что со мной станется, и даже без уверенности, что станется хоть что-то.

Взгляд бармена стал тяжелым: я предпочла удалиться. Я шла вдоль главной дороги, красивой, ровной, с таким блестящим покрытием, что страшно было ступать по нему перепачканными землей ботинками. Я никогда здесь не бывала, но не раз слышала описания: об этом квартале рассказывала тетке одна

соседка, приходящая домработница. Дома за цветущими изгородями, идеально ухоженные сады, широкие аллеи, вымощенные светлой плиткой, бело-розовые стены, крашеные деревянные ставни у старых домов, огромные французские окна у ультрасовременных авторских построек, хорошенькие скворечники на деревьях, породистые собаки за оградами. Здесь не теснились, как в «Гвоздиках», где каждое мгновение жизни делили с соседями, так тонки были стены и заборы и малы садики. Здесь же каждая вилла простиралась в трех измерениях, образуя маленькую планету с собственным стилем.

Среди домов я заметила что-то вроде усадьбы с крышей из синей черепицы. На входной двери висела большая табличка с надписью: «Продается». Судя по паутине на ней, эту дверь давно никто не открывал.

Я пошла вдоль стены. За углом перпендикулярная аллея, заросшая одуванчиками, отделяла усадьбу от соседней виллы. Я свернула на эту аллею. Стало сыро, посвежело. Аллея вела ко второму входу, маленькой калитке, на которой висел ржавый замок на простой цепочке с крупными звеньями. Видимо, вход для прислуги. Мне представилась суета слуг в белых передниках, поставщики вина, звонок, вызывающий горничную, крики девочек на качелях – не важно, что картины эти были взяты прямиком из Мопассана, которого мы проходили в лицее.

Вокруг было тихо. Я заметила, что цепочка просто намотана на прутья. Мне понравилась мысль, что тот, кто закрывал дом, нарочно оставил возможность проникнуть в него, видно, надеясь, что усадьба не будет пустовать, хоть и было мало шансов продать ее в скором времени.

Звенья скользнули одно за другим между моими пальцами, и я с ненужной осторожностью положила все в траву. Калитка пронзительно скрипнула, словно вскрикнула.

В саду буйно разрослась сорная трава, захватив и клумбы, и кусты, когда-то, наверное, аккуратно подстриженные. Яблони сгибались под тяжестью плодов, часть которых была уже изгрызена гусеницами и начала гнить. Там и сям увядшие бледные розы тщетно ждали секатора садовника, а в глубине, в огороде, пышно зеленели на грядках помидоры, морковь и редис. Удачная мысль сбежать в конце лета: тут было чем прокормить целую семью месяц-другой. Я набросилась на помидоры, срывая только самые спелые. В другом конце сада, у ограды, прехорошенький домишко смотрел двумя окошками с белыми вязаными

занавесочками. Внутри – замка на двери не было – два маленьких раскрашенных стульчика стояли друг против друга у миниатюрного столика. На полке, висевшей на стене, красовался полный набор детской посуды из пожелтевшего фаянса, покрытый толстым слоем пыли. Меня кольнула мысль о девочке, для которой все это было оборудовано: знала ли она, что ее игрушки бросили здесь, как будто никаких воспоминаний с ними не связано, как будто они никому не нужны, тогда как мне они виделись сокровищем!

Я тотчас принялась лихорадочно наводить порядок. Не имея ничего другого под рукой, вместо тряпок я использовала листья бука, еще мокрые от росы, а из сухих веток соорудила веник. В домике было тесно, но все совсем как настоящее, и хватило места, чтобы лечь: этого мне было достаточно для счастья. Впервые с начала моего бегства я вздохнула с облегчением. Мне стало лучше, снизошло умиротворение, чувство, что можно наконец остановиться, никуда не бежать, успокоиться. Странное дело: я всегда была девочкой честной, никогда в жизни не брала чужого, и мне должно было бы быть не по себе в этом запретном месте, мне не принадлежавшем. Однако же, наоборот, в считаные минуты оно стало моей личной территорией.

Мне вспомнилась Алиса и ее определение собственности. Послушать ее, так у нас был один-единственный капитал: разум – или сердце, на выбор, эти два понятия часто смешивались в ее речах. Я поддразнивала ее: сердце – капитал? Да ты хиппушка, Алиса. Или образцовый наивняк, прямиком из сентиментального сериала…

Она не сдавалась:

– Я серьезно, Мина! Ничего больше не должно иметь цены.

Ах, бросьте. Легко играть возвышенную душу, когда есть средства.

– А все остальное, Алиса? Твой великолепный дом? Твоя одежда, твои украшения? Деньги на твоем счету в банке? Не имеет значения?

– Никакого. Все равно это принадлежит моим родителям. И может испариться когда угодно. Стоит отцу неудачно поместить деньги – пфф, всему конец.

– Допустим, но кто этим пользуется? Ты, если я не ошибаюсь.

– Потому что мне пока не хватает мужества обходиться без этого. Уступка. Поверь мне, я этим не горжусь.

Это была поистине невыносимая Алиса, та, которую мне хотелось насадить на зубья ее черепахового гребешка. Тогда, по крайней мере.

– Когда-нибудь, Мина, вот увидишь, я от всего этого освобожусь.

И ей это удалось.

Она сдержала слово и доказала свою искренность: прыгнув, она освободилась, да и сохранила то, что считала своим единственным истинным достоянием, – нематериальную часть собственного существа.

Тело ее разбилось вдребезги, а она была свободна – тогда как я оставалась пленницей.

Абсурд.

Я, которую никто бы не оплакал, я, которой нечего терять и нет ни единого весомого аргумента в пользу моего будущего, – я решила жить.

Было ли у Алисы слишком большое сердце, а у меня маленькое?

Почему я вовсе не испытывала горя после ее самоубийства? Из зависти? От досады?

Если бы можно было все вернуть, насаживать на зубья я бы никого не стала.

Я посмотрела на часы. Половина девятого. В это время мы должны были войти в класс, сесть на свои места, слушать учителя французского. Говорили ли о нас в коридорах? Наши семьи ничего не знали о нашей дружбе. Но остальные? Что они думали о наших пустых стульях? Что им сообщили? Наверное, ничего. Если о смерти Алисы ничего не написали в местной газете, значит, родные намеренно ее скрывали. Они наверняка придумали какую-нибудь болезнь или несчастный

случай. Легко: одноклассникам большего и не требовалось, они и так были счастливы, что не стало первой ученицы, на сто километров опередившей всех. Что до меня, в лучшем случае дадут невразумительное объявление о розыске, которым никто не будет всерьез заниматься, поскольку мне исполнилось восемнадцать лет. В лицее мое отсутствие едва заметят и быстро забудут, как меня звали. Тетка будет притворно жаловаться подругам на мой побег: для нее это роскошный повод в очередной раз прослыть жертвой. Она будет заламывать руки, сетуя на мою неблагодарность: «Представляете себе, сбежала, едва восемнадцать стукнуло, а мы-то так о ней заботились, надышаться на нее не могли, – эта девчонка всегда была неслухом, дикаркой, при таком-то воспитании она кончит, как ее мать».

Тетка поспешит освободить комнату от моих вещей и стереть все следы моего пребывания, потому что приемная семья, моя дорогая, это хорошо на время, верно? Но не на всю же жизнь, сколько денег мы на нее угрохали, пора было положить этому конец. Скатертью дорога!

Дядю, я думаю, кольнет чувство вины. Он вспомнит свою сестру, мою мать, – это будет единственный положительный момент. Он задумается раз-другой о том, что со мной сталось, но ни словом не обмолвится об этом жене, чтобы избежать неприятного разговора, и тема (то есть я) не будет больше затрагиваться на протяжении месяцев, а то и лет.

Домик стал чистеньким, опрятным. Я вышла в сад и, хоронясь, обошла владения. Было абсолютно тихо, словно все здесь умерло, – что меня вполне устраивало. Я была так рада найти место, где остановиться, что всю усталость прошлой ночи как рукой сняло. Я чувствовала, что полна энергии, странное чувство, тем более что у меня не было и намека на какие-либо планы на ближайшее будущее. Я села на детский стульчик и задумалась. И внезапно поняла, что мне делать.

* * *

По моей просьбе Алиса часто описывала мне дом, в котором жила. Я могла слушать ее бесконечно.

– Три этажа?! Да он огромный!

– Да ну я же тебе говорила, последний – это чердак, под самой крышей. Сейчас он нежилой. Мои родители планируют сделать там кинозал, когда закончат обустраивать сад.

Кинозал: это был не дом, а мечта. И вот я увижу его своими глазами.

Я аккуратно закрыла калитку, повесила замок и пошла по обсаженной деревьями дороге, уходившей в квартал Мулен. Было тепло, небо ясное, солнце еще бледное; я шла ровным и спокойным шагом минут десять и вдруг, подойдя к кованым воротам, узнала дом. Белые ставни, увитые плющом стены, крылечко, к которому прислонен велосипед. Да, это был он. В точности такой, каким я его себе представляла. С кустами гортензии и посыпанной гравием аллеей, огибавшей небольшой водоем. По газону прыгали воробьи. Птицы! Единственные птицы, которых я видела в «Гвоздиках», были желтоватые цыплята мясника – он приезжал каждую пятницу на своем грузовичке, доставляя товар пенсионерам.

Открылось окно. Я попятилась. Кто это, мать Алисы? Домработница? Отец, который, с учетом обстоятельств, отменил свои деловые встречи?

Сердце у меня отчаянно заколотилось. Она здесь, эта семья, так долго казавшаяся мне идеальной, всего в нескольких метрах. Как они держатся теперь, лишившись Алисы? Что думают о причине ее самоубийства? Оставила ли она им хоть записку?

От всех этих мыслей голова шла кругом, и снова волнами накатывал страх.

Они никогда не поверят, что это была ее идея. Что это она захотела, решила, постановила. Что это она пришла за мной вчера утром, взяла за руку и сказала: сегодня, Мина, придет конец этой жизни, конец сожалениям, конец мукам.

«С днем рождения, Мина».

Я бегом понеслась в обратную сторону. По центральной аллее, по тропе, сорвала цепь с замком и кинулась, не переводя дыхания, в свой домик.

Я не закрыла за собой дверь, даже не оглянулась – опустилась на пол и обхватила голову руками, силясь успокоиться, как делала моя мать, когда ее одолевали страхи. Она сжимала негнущимися руками виски, как тисками, и смотрела в невидимую точку на стене, не шевелясь.

В этой позе она могла оставаться часами. Однажды, когда я была маленькая, лет шести-семи, то спросила ее:

– Чего ты боишься, мама?

Она не ответила: объяснение было бы слишком долгим. Теперь я знаю, что моя мать боялась всего, абсолютно всего, но особенно она боялась больше никогда не узнать любви. Мне бы утешить ее, давать ей больше тепла, ласкать, целовать, мне бы показать ей, какая она красивая. Заставлять ее бывать на людях, надевать юбки с воланами, маечки на бретельках, душиться духами с цветочным ароматом, которые понапрасну выдыхались в шкафчике в ванной. Весь мир бы влюбился! И быть может, это все бы изменило между нами. Но я не смела. Она сидела, опершись локтями о стол, насупившись, иногда дрожа. Потом приступ проходил, она расслаблялась, и если у нее было при себе немного денег, мы шли в кино. С годами ладони-тиски она заменила стаканом белого вина. Потом двумя, потом тремя. Спиртное приводило ее в хорошее настроение, и я долго искренне верила, что это лучшее лекарство.

В восемь лет я сама ходила в магазин за бутылками. Бывало, приносила ей вино на подносе в постель – баловала.

Я в каком-то смысле отравила мою мать.

Конечно же, в этом Алиса со мной не соглашалась.

Но при всей своей исключительности Алиса не была во всем права.

* * *

Так я пролежала, скорчившись, почти до полудня. За окнами стояла все та же тишина. Уличного движения в квартале практически не было, только прислушавшись, изредка можно было уловить шум мотора. Это было слишком.

Слишком неподвижно, слишком тихо. Я вышла из своего укрытия, высматривая хоть какое-то движение, признак жизни – но тщетно. И тогда, машинально, я принялась приводить в порядок сад. Выполола сорную траву на клумбах и клевер на газоне, собрала сухие ветки под деревьями, выбросила испорченные фрукты. Все, что увяло или сгнило, я срезала.

Я остановилась, только когда солнце начало клониться к закату. Сад вновь обрел ухоженный вид, как будто на вилле по-прежнему жили. Моя грудь расправилась: в первый раз, сколько себя помню, я испытала гордость. Мои ногти были черны, руки все в земле, но плевать: это произведение искусства было моим.

Я любовалась плодами своих трудов, как вдруг услышала характерный лязг цепочки о железные прутья калитки. Калитка? Я спряталась, как могла, за стволом дуба, втянув живот и ссутулив плечи, как будто это могло помочь мне исчезнуть. Трава приглушала шаги, но я чувствовала совсем близко незнакомое присутствие, угадывала движения. Через несколько минут, не выдержав, я осторожно выглянула из-за ствола. Спиной ко мне голый по пояс мужчина расшнуровывал ботинки.

Я прижалась к стволу, но тут и мужчина, в свою очередь, что-то почувствовал.

– Есть тут кто-нибудь? – позвал он.

Голос был молодой, энергичный.

Я не шелохнулась.

Он же не стоял на месте. Вдруг возник прямо передо мной, и я его тотчас узнала: это был бармен из кафе.

Лицо его смягчилось.

– А, это ты.

Он улыбнулся.

– Я боялся наткнуться на владельцев или на парня из агентства недвижимости – тем более что его-то я хорошо знаю, он каждое утро пьет кофе со сливками у нас в бистро.

Я не могла отвести глаз от его торса. Он поймал мой взгляд и усмехнулся:

– Странно тебе, да?

– Да, немного.

– Вообще-то ничего странного. Я тут переодеваюсь каждый вечер, перед тем как сесть на автобус: не хватало еще, чтобы в моих краях меня видели в прикиде пингвина.

Он показал на кипу одежды и рюкзак, валявшиеся на земле. Я разглядела большой темно-синий передник и белую тенниску.

– Значит, ты тоже это заметила, – продолжал он. – Цепочку, открытую калитку… Скажу сразу, я тут ни при чем. Замок так и висел, когда я пришел сюда в первый раз. Я искал тихое местечко, чтобы переодеться. И никогда ничего здесь не трогал.

Он говорил и одновременно рылся в рюкзаке. Достал черную рубашку с воротником-жабо, узенькие черные брюки, широкий пояс с шипами и сапоги на толстенной подошве. Потом надел на шею ошейник с брелоками в виде черепов.

Парень подмигнул мне.

– Если хозяин меня в этом увидит – вышвырнет за дверь. Мы, готы, мухи не обидим, но, поди знай почему, люди нас боятся – а ведь с тех же самых людей станется доверить все сбережения первому встречному мошеннику, если он явится в костюме и при галстуке.

Я слушала его, это было удивительно; сколько времени я ни с кем по-настоящему не разговаривала? Если, конечно, можно было назвать разговором этот почти монолог: он задавал вопросы и сам же на них отвечал. Чудную мы с ним являли картину. Растерянная девушка, потная, перепачканная землей, и

тип, словно вышедший прямиком из фантастического фильма – бывший незадолго до этого идеальным официантом.

Вдруг он прервался и посмотрел мне в лицо. Поколебался, потом, словно решив не спрашивать меня, протянул руку:

– Меня зовут Без-Слез.

– Без чего? Странное имя…

– Без-Слез. Ладно, если хочешь знать, от рождения я Давид, но предпочитаю, чтобы меня звали так. Раз уж мы не на работе…

– Как хочешь.

Честно говоря, мне было плевать, как его зовут. Единственное, чего я боялась, – что он выдаст меня пресловутому типу из агентства недвижимости. Я сделала над собой усилие, чтобы быть любезной. Призналась ему, частично: мне вчера исполнилось восемнадцать, у меня никого нет, и мне некуда идти, я решила пожить в этом домике, и мне очень хочется здесь остаться.

– Ни о чем не беспокойся, я, во всяком случае, тебе не помешаю. И вообще, этот дом продадут не скоро, так что живи сколько хочешь.

– Почему ты так говоришь?

– Нехорошая история здесь произошла.

Я перебила его:

– Умер ребенок, да?

Он озадаченно посмотрел на меня.

– Ты в курсе? Они сразу выставили дом на продажу, но сама понимаешь… Какая семья поселится здесь с детишками после такого? Эта халупа будет висеть на

них три ближайших поколения.

Он закончил одеваться. Убрал рабочую одежду в рюкзак.

– Мне пора. А то опоздаю на автобус. Пока, до завтра!

Калитка закрылась. Без-Слез накинул цепочку, помахал мне рукой и скрылся. Мне бы надо было попросить у него что-нибудь, ведь у меня теперь ничего не было. Полотенце, кусочек мыла. Поздно. Он уже в пути, домой, к своим делам, к своей жизни, до меня ему больше нет дела. А я?

Я вдруг осознала всю шаткость моего положения. Последние часы я прожила, не задаваясь вопросом, что будет и как. Я просто бежала, пряталась от действительности, ни о чем не задумывалась. Что же теперь со мной станется? Я сижу в этом саду, как Робинзон на острове, накормлена и занята благодаря щедротам осени и наличию в саду водопроводного крана – по счастью, не перекрытого. При известной сноровке я продержусь несколько недель, если, конечно, погода будет благоприятствовать. А что потом?

Мне вспомнилась моя комната, моя одежда, сложенная в шкафу из белой сосны, принадлежавшем еще кузине, большая картонная коробка, в которой когда-то лежали сапоги моей матери, где я хранила все, что от нее осталось: фотографии, дешевые украшения, записочки, на которых она ставила сердечки резиновым штемпелем из моей детской игры.

Вспомнилась Алиса, которая обнимала меня, когда я открывала эту коробку, такая красивая, такая забавная, такая ласковая и внимательная ко мне, бледной тени, прильнувшей к ней, глубоко-глубоко вдыхавшей ее силу и уверенность, – Алиса, дарительница жизни.

Моя половинка, раздавленная, перемолотая, навсегда потерянная.

Она рассталась со мной без сожалений, как рассталась со всем остальным миром. Ушла красиво, взметнув за собой волосами эфемерную волну между небом и землей.

Она бы все равно прыгнула, даже зная, что я отступлюсь. Ничто бы ее не остановило. Так было предначертано; я говорю это не в свое оправдание, а потому, что я это знала, чувствовала всем нутром.

Это не было равнодушие, это не было отчаяние, это был ее личный расчет, необходимость.

Необратимая цель, мишень.

Остальное стало моим делом.

* * *

Я помню долгие часы в очередях, когда все обходили меня под разными предлогами: я беременна, я спешу на поезд, я просто вышел покурить, надо вернуться на работу через десять минут, дети дома ждут, я тяжело болен, я ветеран войны.

Я помню, что всегда была последней в играх в «музыкальные стулья» и «горячую картошку», первой попадалась в «сеть», но выигрывала в молчанку.

Я помню, как в шестнадцать лет мне остригли волосы, потому что я подцепила вшей.

Я помню, как мечтала быть блондинкой с длинными локонами.

Я помню, как четыре раза была влюблена: в детском саду, в начальной школе, в шестом классе и в третьем, и как слышала вслед смешки, после того как писала записки своим избранникам.

Я помню, как учитель истории забыл меня, когда все ушли на экскурсию, помню, как полдня просидела взаперти в туалете для девочек, потому что никто не заметил, что меня нет.

Я помню слово «отсутствует», то и дело встречавшееся в моих школьных дневниках; не потому что я пропускала уроки – просто учителя подозревали, что

мысли мои далеко.

Я помню, как промолчала, хоть мне и хотелось завопить, когда тетка объявила мне, что я не пойду на кремацию матери, во-первых, потому что это слишком тягостное зрелище, а во-вторых, именно на эту дату был назначен экзамен.

* * *

Я спала как убитая, без сновидений, без кошмаров, в слепой и глухой черноте: наконец-то крепкий сон. Разбудил меня ранним утром настойчивый стук. Я не сразу поняла, где я, потом, проморгавшись, вспомнила два последних дня. Алису. Лес. Бегство. Дом.

Это чувство уязвимости.

Я не шелохнулась. Я знала, что это мне не поможет: если кто-то хочет войти, достаточно толкнуть калитку. Но у меня не было сил. Не хотелось говорить, излагать, оправдываться.

Стук прекратился. Я очень медленно сосчитала до ста и, решив, что выждала достаточно, встала. Приподняв занавеску на одном из окошек, я увидела бутылку молока, стоявшую на видном месте.

Бармен, больше некому. Открыв бутылку, я выпила половину. Погода снова стояла прекрасная, как будто осень была на моей стороне. Я потянулась и удивилась, что так свободно дышу. Именно в этот момент я поняла: что-то во мне изменилось. Я больше не боялась. Внутри не было ни страха, ни тяжести.

Убегая позавчера от моста, я думала, что горе и угрызения совести будут копиться, пока не задушат меня, восстановив хоть какую-то логику. Но сегодня утром они, наоборот, с каждым часом как будто рассеивались. А между тем ничего не забылось и не притупилось. Алиса все так же была здесь. Она растворилась во мне, в каждом моем органе, в каждой клеточке, в голове, в сердце, в словах; она жила во мне. Просто чувства мои изменились. От нее и ее ухода во мне осталось лишь одно: эта необъяснимая дружба и какой-то покой. И, каким бы нелепым это ни показалось, я чувствовала себя сильнее.

На мгновение я встревожилась: неужели я ищу разумного объяснения ее смерти? Ищу смысл в том, что объективно было смесью трусости и эгоизма? Одной этой мысли хватило, чтобы омрачить нарождающееся ощущение блаженства. Я безмолвно взывала к Алисе, умоляла ее послать мне ответ, где бы она ни была. Я подняла голову к небу, всматриваясь в тени, легла в траву и поскребла ногтями землю, чтобы открыть ей путь. Пусть она проявится, пусть подаст мне знак, хоть один! Пусть выскажется!

Но Алиса оставила меня наедине с моими бреднями, и так было лучше.

Я сняла с футболки приставший к ней мусор – вчера я соорудила себе матрас из капустных листьев и морковной ботвы. Встряхнула волосами. Было немного неприятно не знать, как я выгляжу. Я никогда не отличалась кокетством, но всегда старалась быть хотя бы чистой. «Приличной», по крайней мере, в глазах дяди и тетки: некоторые замечания я не способна была вынести.

Так, после истории со вшами я решила носить короткую стрижку и подравнивала ее сама, вооружившись кухонными ножницами. Просто и эффективно.

– Как же красиво, – повторяла Алиса, проводя рукой по моему затылку. – А как свободно, наверно, себя чувствуешь с короткими волосами! Я бы тоже хотела постричься. Но моя мама категорически против.

– Она права.

– Права? Вправе решать за меня, что красиво, а что нет?

– Она хочет тебе лучшего.

– Лучшее враг хорошего. Мне так плохо, Мина.

Я не верила своим ушам. Ей так плохо! Плохо иметь волосы куклы, шелковистые, ухоженные, с одного взгляда говорившие, как обеспечена ее жизнь, сбалансировано питание, спокоен сон. Плохо иметь мать, оберегающую ее драгоценную красоту.

Это не могло не обернуться ссорой.

– Уши вянут тебя слушать, Алиса. Да, и, пожалуйста, не употребляй больше слов «свободно» и «красиво» в отношении меня.

– Согласна: при условии, что ты прекратишь думать, будто владеешь истиной в последней инстанции и, как ты думаешь, так и есть.

Вопрос объективности часто вставал между нами. Мы жили в диаметрально противоположных мирах, что давало пищу для жарких споров. Кто прав, кто не прав, что истинно, а что ложно? Стакан наполовину полон или наполовину пуст? Может ли кто-то решать за других, и если да, то по каким критериям избирается высший судия? Существует ли нагая истина, или же истин столько, сколько людей, – и, стало быть, истины нет? Как можно быть уверенным, что данное определение соответствует объективной реальности?

Алиса отстаивала свою точку зрения (в данном случае: нет ничего незыблемого, все определяется ситуацией, взглядом и позицией). С тем большим жаром, что речь шла о ее матери.

– Если бы ты знала, Мина… Всю жизнь она копирует какую-то расплывчатую модель, извлеченную из журналов, которые она читает, и разговоров, которые ведет. Все, что она делает, все, что говорит, все, что предпринимает, ее выбор, ее решения – все становится отражением этой модели. Почему? Она живет лишь через образ, который надеется создать. Она хочет, чтобы о ней думали: «Ах, какая женщина, прекрасная женщина, исключительная женщина, у нее великолепный дом, у нее великолепный брак, у нее великолепная дочь». Чтобы добиться этого результата, она трудится без устали. До изнеможения занимается ремонтом, подбирает гардероб, свой и мой, отслеживает последние тенденции во всех областях. И тут она сильна! Многие ей завидуют. Она всегда выбирает лучшую модель автомобиля, подходящий цвет, потрясающие планы на уик-энд, оригинальную и сногсшибательную благотворительность, хозяйка она незаурядная. О моем отце говорят: как же ему повезло жениться на этой женщине! Бриллиант! Но, в сущности, никто не знает, кто она на самом деле. Ни люди, ни отец, ни я, ни тем более она сама. Она идеальная женщина текущего момента. Непроницаемая глыба хороших манер и хороших идей, почерпнутых в хороших местах. И мало того, мы все в плену ее представлений. Она определяет путь – горе тому, кто с него свернет. Чему она меня научила, что показала? Мир иллюзий. Вся жизнь в притворстве. Этому ты завидуешь?

По-моему, Алиса была так несправедлива! Я не видела никаких иллюзий, только женщину, которая старалась изо всех сил, чтобы жизнь ее семьи походила на рай, тогда как моя мать оставила мне в наследство ад.

– Нет, Мина. Не ад. Твоя мать оставила тебе просто толику человечности. Как это ни больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/valeri-tong-kuong/volshebnaya-kniga-sudby/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Никогда не жалуйся, никогда не объясняй (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/valeri-tong-kuong/volshebnaya-kniga-sudby-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить